

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

Факультет юридический

Выпускающая кафедра теории и истории права и государства

Направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция

Образовательная программа Правоприменительная деятельность

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

на тему:

«Проблемы правосубъектности в теории права»

Автор:

обучающийся группы БкЮ-402
очной формы обучения

Малышкин Семен Павлович

подпись _____

Руководитель:

Доцент кафедры, к.ю.н., доцент
Козюк Михаил Николаевич

подпись _____

« ___ » _____ 2021 г.

кафедрой:

Заведующий выпускающей

К.ю.н., доцент

Лукьяновская Ольга Валерьевна

подпись _____

« ___ » _____ 2021 г.

Волгоград 2021 г.

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Механизм влияния современных технологий на принадлежность правосубъектности.....	6
1.1 Роль общеправового института признания во влиянии современных технологий на принадлежность правосубъектности.....	6
1.2 Способы влияния биотехнологий на принадлежность правосубъектности.....	14
1.3 Прогнозы расширения круга правосубъектных лиц под влиянием современных технологий.....	19
Глава 2. Аккаунты в сети «Интернет» и принадлежность правосубъектности.....	31
2.1 Правовое положение аккаунта на площадке сети «Интернет».....	31
2.2 Влияние аккаунта в социальной сети на динамику правосубъектности.....	34
2.3 Влияние аккаунта на правосубъектность умершего человека.....	36
Глава 3. Проблема правосубъектности искусственного интеллекта.....	40
Заключение.....	45
Библиографический список.....	48

Введение

В настоящее время благодаря научно-техническим и культурным факторам появляются новые действующие лица, которые по уровню сознательности или автономности сходны с человеческими показателями. В отношении таких лиц появляются сведения, что они способны совершать самостоятельно действия, которые потенциально могут быть признаны юридически значимыми. Это стимулирует исследовательский интерес к имеющимся на настоящий момент трудам, посвящённым теоретико-правовой теме правосубъектности, самостоятельной их переработке и создания обновлённых выводов с учётом ранее не исследованных обстоятельств. Вместе с тем, в отношении таких нововведений не складывается однозначного отношения о наличии у появляющихся действующих лиц правосубъектности по причинам существующего плюрализма подходов в классической теории права, недостаточного внимания к указанным новшествам современных теоретиков права и трудности полноценного исследования нововведений. Поэтому происходящие изменения представляют интерес как в контексте изучения адаптации существующих классических категорий и конструкций юриспруденции к нововведениям, так и с точки зрения оценки вновь появляющихся исследований таких явлений, утверждения выводов и прогнозов. Предоставление результатов анализа и оценивания описываемых нововведений с точки зрения существующих положений теории права, то есть интегративная направленность настоящей работы, и определяет её актуальность.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в представлении результатов не встречающегося в полном объёме в современной научной литературе полноценного исследования правосубъектности с точки зрения классических исследований по теории права применительно к спорным вопросам правосубъектности возникающих в связи с научно-технологическими и культурными изменениями действующих лиц.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения представленных в ней умозаключений, выводов, и иной информации для принятия правотворческих, интерпретационных и правоприменительных решений в спорных ситуациях, ставящих вопрос о правосубъектности, как с участием вновь возникающих описанных в работе действующих лиц, не идентифицируемых однозначно как субъекты права, так и с участием обычно принимаемых за субъектов права действующих лиц.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с установлением и идентификацией условий для признания правосубъектности за традиционными и вновь возникающими действующими лицами.

Предметом исследования являются проблемы, связанные с установлением и идентификацией условий для признания правосубъектности за традиционными и вновь возникающими действующими лицами, а также варианты их решения.

Целью настоящей работы является выработка на основе изучения основных теоретико-правовых понятий и

материалов, посвящённых правосубъектности, критериев для идентификации действующих лиц как субъектов права и отделения субъектов права от иных юридических существей.

Исходя из вышеуказанной цели, были поставлены следующие задачи:

1. рассмотреть механизм влияния современных технологий на принадлежность правосубъектности;

2. определить роль общеправового института признания во влиянии современных технологий на принадлежность правосубъектности;

3. изучить способы влияния биотехнологий на принадлежность правосубъектности;

4. составить прогнозы расширения круга правосубъектных лиц под влиянием современных технологий;

5. установить влияние аккаунта в социальной сети на динамику правосубъектности, его влияние на правосубъектность умершего человека;

6. исследовать проблему правосубъектности искусственного интеллекта.

В процессе выполнения выпускной квалификационной работы были применены методы обобщения, анализа, синтеза, абстрагирования, идентификации, концептуализации, дедукции, сравнительно-правовой, системный, догматический методы исследования.

Работы, найденные по исследуемой теме, посвящены как классическим положениям правосубъектности, так и отражению частных случаев проявления указанных новшеств и проблем в сфере права. К группе исследований основных положений правосубъектности относятся исследования В.Н. Дурденевского, Д.В. Дождева, Н.Л. Дювернуа, А.Я.

Рыженкова, В.М. Хвостова. К работам, посвящённым частным случаям анализа нововведений и проблем, относятся труды А.П. Анисимова, Г.А. Гаджиева, Н.В. Крысановой, Я.А. Канторовича, Рыжовой А.А. Работой, совмещающей как основные теоретико-правовые положения, так и частные случаи нововведений и проблем, является диссертация Пономаревой Е.В.

Структура выпускной квалификационной работы включает в себя введение, три главы, шесть параграфов, заключение и библиографический список.

Глава 1. Механизм влияния современных технологий на принадлежность правосубъектности

1.1 Роль общеправового института признания во влиянии современных технологий на принадлежность правосубъектности

Исследование динамики правосубъектности под влиянием современных технологий, когда появляются всё новые акторы (не признанные в качестве субъектов, но проявляющие активность, которая может стать юридически значимой, здесь и далее мы обозначаем как акторов), схожие по своему образу действия с деятельностью человека, субъекта права, следует предварить объяснением её механики, чтобы выводы, сделанные нами, не были безосновательными. Объяснение механизмов, способствующих динамике правосубъектности необходимо ещё и в силу того, что нами выбраны для исследования пограничные для юриспруденции явления, которые ещё обсуждаются в науке и не вошли во всеобщую практику. Они требуют дополнительных, проверенных посылок для вынесения аргументированных выводов. В ходе исследования источников и литературы, в которых изложены положения о правосубъектности, нами был сделан вывод о том, что механизмом, который влияет на принадлежность правосубъектности, является признание.

В юридической литературе о признании упоминания встречаются не так часто. Однако, те исследования, которые посвящены признанию, позволяют сложить представление о нём как об одной из основ функционирования механизма права в целом. Объясняется эта основа как условие для правовой коммуникации. С позиции коммуникативного

правопонимания через признание людьми друг за другом равной возможности использовать права и исполнять обязанности независимо от того, будут ли они находиться в равном или подчинённом положении в правоотношениях, только и возможна правовая коммуникация¹.

Вместе с тем, такие научные конструкции относятся к философско-правовой или социолого-правовой отраслям юридической науки. Широкого дальнейшего распространения в теоретико-правовых исследованиях они не получают. Освещение и применение в практике получает только институт признания государств или правительств в международном праве.

Там признание рассматривается именно как механизм, от функционирования которого зависят взаимоотношения между государствами. В таком подходе есть некоторое сходство с подходом коммуникативного правопонимания – признание предстает как основа правовой коммуникации, но за счет разницы между национальным и международным правопорядками удается схватить суть признания как юридического механизма, а не как принципа. И только в международном праве на настоящее время поставлен вопрос о критериях признания, который не может быть решен уже много лет², а в национальном праве кажется решённым из-за однозначности в отношении признаваемых субъектов национального права.

Вместе с тем, признание коллективного субъекта, который лишь через своих должностных лиц способен к

---

¹ Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. Ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М., 2019. С. 72.

² Kelsen H. Recognition in International Law: Theoretical Observations // The American Journal of International Law. 1941. Vol. 35, No. 4. P. 606-614.

правовой коммуникации, позволяет ставить вопрос и об иных видах признания в аспекте предмета такого признания. Отметим, что даже с позиции коммуникативного правопонимания правовая коммуникация между субъектами безотносительно объектов или фактов нецелесообразна для права. А потому, если есть признание субъектов как условие правовой коммуникации, то должно быть и признание тех целей, ради которых они вступают в отношения.

Подтверждения вышесказанному мы находим в текстах законов. Например, речевая конструкция «признание торгов недействительными» ст. 449 Гражданского кодекса РФ. Смысл этой фразы состоит в том, что волевое действие уполномоченного лица может поменять юридическое значение торгов как юридического факта.

В текстах законов легко найти отдельные группы норм, объединённых предназначением – производить признание. Например, институт особого производства в гражданском процессе. Так как нет спора о праве, суд наделяет имеющейся у него публичной властью обыденные факты юридической силой, что «конвертирует» их в юридические факты. Так они становятся видны для правопорядка. Такого рода процедуры, если присмотреться, находятся в самых необычных местах. Чаще всего, они связаны с судом из-за публичного характера его деятельности. Тяжущиеся просят у суда признания кого-то из них правым. Государственный обвинитель требует в уголовном судопроизводстве признания человека, причинившего вред, лицом, совершившим преступление. Административные истцы просят признания акта государственного органа недействительным.

Для идентификации такого теоретико-правового явления следует наметить его признаки. Первый признак института признания – присутствие лица или органа, проводящего акт признания. Часто таковым является орган публичной власти, но в отдельных случаях, признание частного лица имеет большую силу, например, когда производится признание долга. Второй – процесс «конвертирования» фактических обстоятельств в юридические или изменение значения юридического факта, которое происходит благодаря воздействию признающего. Таким же образом происходит и процесс признания правосубъектности за актором.

Но, в связи с этим, встаёт вопрос: признание дискретно или континуально? То есть, достаточно ли одного акта признания для конституирования правосубъектности за актором для всех правоотношений и на всё время его существования? Полагаем, что нет. В указанной выше монографии, посвящённой признанию в праве, имеется статья Ю.Ю. Ветютнева об устройстве акта признания. Он пишет, что признание включает в себя когнитивный и аксиологический аспект, и первый подразумевает операцию узнавания или идентификации, когда признаваемый «мысленно подводится под какую-либо общую категорию в качестве её единичного представителя»³. Из этого следует вывод, что признание дискретно, то есть акт признания действует ограниченное время. Кроме того, его результаты распространяются только в отношениях с тем лицом, которое его осуществило. Однако, если признание осуществлено публично, в частности, органом публичной власти, то такое

---

³ Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. Ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М., 2019. С. 94.

признание уже имеет континуальный, то есть бессрочный характер, поскольку в данном случае действует презумпция, аналогичная презумпции всеобщего знания закона даже если его содержание неизвестно вступающим в правоотношения. И аналогично тому, как в законодательстве существуют «напоминания» такого закона, который должен быть известен, в виде обязательного ознакомления с правами как, например, при производстве процессуальных действий в уголовном процессе, таким же образом существуют и обновления этого публичного признания, когда, например, происходит удостоверение личности.

Однако, независимо от того, о каком из двух описанных актов идёт речь, получается, что признание субъектов в праве осуществляется не произвольно, а на основании заранее установленных в законодательстве критериев. Например, по общему правилу, первоначальные критерии для начала правосубъектности человека, то есть признания человека субъектом права, установлены Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи»⁴. Таким образом, то, что в современных исследованиях по проблематике расширения круга правосубъектных лиц называют признанием, на самом деле имеет смысл действий по созданию законодательных положений для последующих актов признания, которые уже и будут признавать правосубъектность за отдельными субъектами в конкретном случае правовой коммуникации.

---

⁴ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» // Доступ из СПС «Гарант».

Самим критериям признания субъекта права мы уделили внимание в последнем параграфе первой главы.

Наметив основное содержание механизма общеправового института признания, следует перейти к его роли во влиянии современных технологий на принадлежность правосубъектности. Следует отметить, что как в юридической литературе, так и в обыденном дискурсе достаточно много упоминаний о расширении круга правосубъектных лиц в связи с влиянием современных технологий. Так, в другой коллективной монографии, изданной по результатам проведения специально посвящённому исследуемой нами проблематике II Дальневосточного международного форума «Роботы заявляют о своих правах...» указано, что переход к постиндустриальной эпохе проблематизирует статусы «новых драйверов эпохи, которых пока сложно обозначить традиционным понятием «субъект»⁵. В диссертациях, посвящённых субъектам права, выделяют особый термин для акторов, которые являются предметом нашего исследования, которых именуют квазисубъектами права. Пономарева Е.В., автор такой диссертации пишет, что даже в самый ранний период истории возникали пограничные правовые явления наряду с человеком как классическим субъектом права. Считалось, что такие явления были исторически случайными событиями или плодом неразвитого юридического сознания. Но в ходе эволюции, в том числе юридической, эти пограничные явления не исчезли, а с новой силой стали появляться в силу развития новых технологий⁶. К

⁵ Роботы заявляют о своих правах : парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий : коллективная монография. Владивосток., 2020. С. 18.

⁶ Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург : Уральский гос. юр. ун-т, 2019. С. 36.

направлениям, в которых разворачиваются дискуссии относительно таких квазисубъектов автор относит правосубъектность животных, правосубъектность роботов или же искусственного интеллекта и правосубъектность существ, связанная с нетипичным биотехнологическим вмешательством в их генотип.

Чаще всего исследователи ставят вопрос, повторяющийся по смыслу в ряде исследований: «Следует ли признавать правосубъектность роботов, животных, юнитов искусственного интеллекта?». Перечень конкретных акторов, в отношении которых ведутся споры о создании законодательных предпосылок для признания их субъектами права, можно продолжить уже сейчас и, вероятно, он будет продолжен с учётом развития новых технологий. Но сразу оговоримся, что пафос таких исследований следует поместить в рациональные рамки, чтобы не прийти к релятивистским выводам и не производить из исследуемой темы материал для так называемых «вечных вопросов», потому что рассматриваемую тему посылно разрешить с использованием имеющегося юридического и общенаучного инструментария.

Приведём примеры исследований, ставящих такой вопрос о возможности признания за указанными акторами правосубъектности для очерчивания основных направлений дискуссий о признании в настоящее время. В статье Крысановой Н.В. указано: «...Существует по меньшей мере две причины, по которым они (системы искусственного интеллекта – прим. М.С.) могут быть признаны лицами с

точки зрения права»⁷. Г.А. Гаджиев, Е.А. Войниканис в своей статье пишут: «Пример с действующим законодательством о защите животных, с одной стороны, наглядно демонстрирует, что в определенных случаях признание правосубъектности может служить более эффективным механизмом, чем иные правовые решения»⁸. Из этих формулировок следует, что человек своей волей решает, за кем признавать правосубъектность, а за кем – нет вместо того, чтобы опираться на законодательные предпосылки, устанавливающие критерии правосубъектности, и в связи с ними признавать или нет воспринимаемого им актора. Однако мы ранее отмечали, что такие речевые конструкции следует воспринимать не как повествующие, собственно, о признании, а как утверждающие о создании законодательных предпосылок для признания.

Обратимся к представляющей интерес статье Г.А. Гаджиева и Е.А. Войниканиса, которые отмечают, что «только сохраняя свою идентичность, право может играть активную роль в развитии экономики и общества». Но, в то же время, в статье отмечается: «Признание робота субъектом права связано, в первую очередь, с необходимостью более эффективного распределения ответственности. При этом распределение имущественной ответственности направлено на решение не только экономической, но и собственно юридической проблемы, связанной с обеспечением баланса интересов и адаптации права к изменениям социальной

---

⁷ Крысанова Н.В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: государство и право. 2021. № 1. С. 24.

⁸ Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 39.

реальности»⁹. В двух процитированных суждениях имеет место противоречие, поскольку сохранение идентичности правом предполагает связь с исторической традицией, а создание новых конструкций для адаптации права к изменениям социальной реальности предполагает восприятие не входящих в традицию новаций, к которым авторы и относят признание роботом субъекта права. Следует отметить, что для достижения упомянутых авторами благ стоит исходить не из прагматически-деятельностного подхода и ставить вопрос о должном, целесообразности признания робота субъектом прав, а о корректности, о разумности в рамках правовой традиции такого признания. Под «робота» в рамках настоящей главы целесообразно подставить и иного актора, в отношении которого ведётся дискуссия о признании его правосубъектным.

Исследование того, как общеправовой институт признания влияет в контексте современных технологий на принадлежность правосубъектности позволило сделать следующие выводы. Во-первых, признание – это акт, обязательно требующий законодательных предпосылок, то есть законодательного закрепления за абстрактным актором возможности быть субъектом права. Так, законодательные положения о возможности признания правосубъектности человека вообще с момента рождения дают основания для признания начала правосубъектности конкретного человека с момента его рождения. Аналогичным образом для решения упомянутых поставленных в литературе вопросов о признании правосубъектности за роботами, животными или иными, не имеющими потенциала для признания их

---

⁹ Там же. С. 24.

субъектами права в российском правовом порядке акторами, необходимо первоначально создание законодательных предпосылок. Во-вторых, исходя из анализа исследований литературы по рассматриваемой проблематике, следует, что к направлениям, в которых ведутся дискуссии относительно таких акторов или квазисубъектов, как их именуют, относятся: правосубъектность животных, правосубъектность роботов (искусственного интеллекта) и правосубъектность существ, в генотип которых было произведено вмешательство посредством биомедицинских технологий. И в-третьих, в проанализированных нами исследованиях была замечена прагматическая установка их авторов, поскольку о признании правосубъектности за квазисубъектами идёт речь именно в связи с «более эффективным» перераспределением ответственности, обеспечении баланса интересов и решением иных насущных проблем юридической практики. Вместе с тем, считаем нерелевантным прагматический, деятельностный подход в этом вопросе, так как для вынесения логически обоснованного решения следует обращать внимание не на проблемы, которые могут быть решены при наличии признанности квазисубъекта субъектом права, а на корректность создания условий для признания актора субъектом, на существующие критерии, предъявляемые к субъектам права.

1.2 Способы влияния биотехнологий на принадлежность правосубъектности

В предыдущем параграфе мы отмечали, что одним из направлений дискуссий о признании правосубъектности являются споры о признании правосубъектности за живыми организмами, которые либо стали способны совершать действия, сходные с юридически значимыми, либо за которыми в силу приобретённой ими сознательности стали признавать законные интересы. Катализатором таких дискуссий являются достижения биомедицинских технологий, благодаря которым и изменяется уровень их сознательности или возможного её проявления.

Научно-техническое развитие, результативно показав себя в двадцатом и нынешнем веках, сделало возможным состояние подвластности и подконтрольности природы человеку, а не наоборот. Причём успехи, завоеванные с помощью инструментов науки и техники, существенно отличаются от существовавших и ранее методов контроля человека над природой, когда, например, люди сделали подконтрольными и использовали водные ресурсы для орошения полей, тем самым взяв под контроль и процесс выращивания растений. Существующие в настоящее время изменения пошли дальше, сделали возможным проводить избрания даже и на том уровне, который не в силах увидеть невооруженное человеческое зрение. Эти изменения переместили процесс подчинения природы снаружи вовнутрь, к природе самого человека и других живых существ. Научной основой таких изменений является биотехнология.

Биотехнологию определяют как «использование культур клеток бактерий, дрожжей животных или растений, метаболизм и биосинтетические возможности которых обеспечивают выработку специфических веществ». В рамках биотехнологии существуют операции генной инженерии, создания гибридов, использование микроорганизмов и иные¹⁰. Для внимания правоведов такие масштабные изменения не могли остаться незамеченными, и если отдельные вопросы биотехнологии в аспекте применения их в производстве, сельском хозяйстве интересны для отраслей права, например, экологического права по причине вмешательства в естественный, защищаемый им ход вещей, то для теории права интересны более вопросы иного, абстрактного порядка. Одним из таких вопросов является вопрос о том, как могут в настоящее время или в будущем влиять биотехнологии с их внушительным потенциалом на принадлежность правосубъектности.

Исследователи отмечают, что за последние десятилетия вопросу о влиянии биомедицинских технологий на правосубъектность уделено мало внимания, хотя основания для исследования темы имеют место, так как такие технологии могут изменить круг правосубъектных лиц с включением туда правосубъектности эмбриона, химеры, клона, представителей животного мира в Российской Федерации¹¹.

К таким поистине масштабным вопросам, чтобы не культивировать излишний пафос этой темы, следует подойти,

---

¹⁰ Сассон А. Биотехнология: свершения и надежды. М., 1987. С. 13, 410.

¹¹ Рыжова А.А. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий : специальность 12.00.02 : дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Пенза, 2018. С. 5-6.

как мы и писали ранее, с консервативной позиции. Полагаем, что современные вызовы, связанные с биомедицинскими технологиями, ставящие, на первый взгляд, новые задачи для права, могут быть решены в общем виде. Для разрешения вопроса о потенциале права по признанию правосубъектности иных живых существ, кроме человека, нам потребуется обращение к истории. Я.А. Канторович посвятил целое исследование явлению, который, с его слов, его современники оставляли почти не исследованным – процессы над животными в Средние века. Он описывает, как над пчелами, свиньями, петухами и прочими животными проводили суды. При ознакомлении с этим исследованием возникает вопрос, зачем тратить ресурсы на судопроизводство над животным, когда оно не в силах понять смысл правовых предписаний, участвовать в следственных действиях? То есть совершать сознательные юридически значимые действия, которые необходимы для реализации правосубъектности. Средневековая логика обосновывает признание за животными прав через аргумент религиозный. Так как и человек, и животное – создания божьи, человек обязан уважать животное¹². А следовательно, и применять процедуры, которые он применяет в отношении равных себе. Этот пример показывает, что технически при наличии достаточной аргументации право способно функционировать, когда субъектами признают не людей, а животных, сознательность действия в праве которых, остаётся сомнительной. Теперь обратимся к теоретико-правовой оценке положения с существами, которые появились благодаря воздействию биотехнологий.

---

¹² Канторович Я. А. Процессы против животных в средние века. СПб., 1898. С. 7.

Исследователи отмечают, что за последние десятилетия вопросу о влиянии биотехнологий на правосубъектность уделено мало внимания, хотя основания для исследования темы имеют место, так как такие технологии могут изменить круг правосубъектных лиц с включением туда правосубъектности химеры, эмбриона, клона, представителей животного мира. Следует дать краткое описание контекста, в котором исследователи употребляют указанные понятия, потому что, например, известно, что эмбрион уже обладает правосубъектностью в наследственных правоотношениях, а вопрос о животных был поднят ранее. В отношении эмбриона и животных идёт речь о модификации их форм жизни. Например, цитируемая нами А.А. Рыжова в своём труде приводит в пример имевшую место ситуацию перевозки замороженных эмбрионов через границу РФ для реализации в качестве товара в косметологических организациях¹³. То есть, эмбрион уже не находится в утробе матери, а существует отдельно, что стало возможным только при развитии современных технологий. По-иному дела обстоят с представителями животного мира. Об их правосубъектности в контексте биотехнологий говорят в силу либо собственно биотехнологического воздействия, либо в силу изменения к ним отношения в культуре¹⁴. Последнее, разумеется, к биотехнологиям отношения не имеет. Под химерой понимают животное с отдельными клетками человека. Известны опыты

---

¹³ Рыжова А.А. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий : специальность 12.00.02 : дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Пенза, 2018. С. 72-73.

¹⁴ Там же. С. 144.

по выращиванию эмбрионов животных с человеческими клетками¹⁵, которые проводились, в том числе, и в России¹⁶.

Но, не вдаваясь в детали, стоит поставить вопрос: если и ранее правом признавалась правосубъектность даже не человекоподобных существ, почему в настоящее время возникают вопросы о признании правосубъектности за существами, подобными человеку? Полагаем, что вопрос о влиянии биомедицинских технологий на правосубъектность возник по причине различия двух значений правосубъектности.

Правосубъектность обычно рассматривается в современной теории права как совокупность её элементов – правоспособности, дееспособности и деликтоспособности или как способность быть субъектом прав и обязанностей¹⁷. Несмотря на большую содержательность первого значения, предмет, который оно обозначает, лишь один – человек, потому что дееспособность и деликтоспособность предполагают сознательную активность субъекта, которой в достаточной мере может проявить только человек. Вместе с тем, как мы уже увидели, права и обязанности (правосубъектность во второй интерпретации) закрепляют в ходе истории и за иными существами. Дореволюционный исследователь В.Н. Дурденевский также отмечает, что в зарубежной юридической теории встречаются тезисы о

---

¹⁵ Breakthrough as scientists grow sheep embryos containing human cells // Сайт издания «The Guardian». Режим доступа: <https://www.theguardian.com/science/2018/feb/17/breakthrough-as-scientists-grow-sheep-embryos-containing-human-cells> (дата обращения 21.04.2021).

¹⁶ Рыжова А. А. Эксперименты в области биомедицины: проблемы законодательного урегулирования // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7, № 3 (27). С. 62.

¹⁷ Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2020. С. 32.

признании управомоченными (статуи, памятники), однако сам он не считает их юридической конструкцией¹⁸.

Но не так далеки от правды оказываются те, на кого ссылается Всеволод Николаевич, так как такая тенденция продолжается даже в настоящее время. Например, не так давно реку «Те-Ава-Тупуа» как природный объект признали субъектом права¹⁹. Кроме того, современные исследователи утверждают, что даже в Российской Федерации, исходя из норм, посвящённым животным, можно установить, что у животных имеются права, не говоря о тех правопорядках, в которых права животных целенаправленно признают²⁰. Это проявляется, например, в учёте привязанности домашнего животного (а следовательно, и приписывания ему сознательной активности в этой части) за прежним хозяином в случае приобретения права на безнадзорное животное в ч. 2 ст. 231 Гражданского кодекса РФ²¹.

Возвращаясь к обсуждению биотехнологий, следует отметить, что результаты их экспериментального применения в виде создания химер, модификации существующих живых организмов способны свидетельствовать о двух важных для нашего исследования фактах. Первый – что круг существ, сходных по сознательному и волевому компонентам с животными или даже людьми, расширяется за счёт применения

---

¹⁸ Дурденевский В.Н. Субъективное право и его основное разделение // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь. 1918. Вып. 1. С. 80-81.

¹⁹ Collins T., Esterling S. Fluid personality: Indigenous rights and the «Te Awa Tupua (Whanganui River claims settlement) act 2017» in Aotearoa New Zealand // Melbourne Journal of International Law. 2019. 20 (1). P. 197.

²⁰ Анисимов А. П. Классификация прав животных: дискуссионные вопросы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 1 (34). С. 188.

²¹ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая : (по сост. на 09.03.2021) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

биотехнологий, на что правоведам следует обращать внимание. Второй – что причисление их к субъектам права с точки зрения юридической техники не составляет затруднений. Такое положение, содержащее риски массового появления новых субъектов пропорционально появлению новых существ благодаря биотехнологиям, требует отдельного внимания к юридическим положениям, позволяющим отделять признаки акторов, лишь вероятностно подходящих под признаки субъекта права от тех случаев, когда признаки субъекта права налицо во вновь появившемся существе.

Отсюда становится видно, что правовая система как в прошлом, так и в настоящем была и остаётся готовой к установлению норм, которые закрепляют правосубъектное положение за иными живыми существами наряду с человеком, как это в настоящее время закреплено за животными. И круг таких живых существ имеет потенциал существенного расширения благодаря воздействию биотехнологий. Для детального анализа такого расширения круга правосубъектных лиц, его условий и составления прогнозов по этому поводу предлагаем перейти к следующему параграфу.

1.3 Прогнозы расширения круга правосубъектных лиц под влиянием современных технологий

Ранее мы указали на две модели интерпретации содержания правосубъектности, сложившиеся в теоретико-правовой литературе в настоящее время. Первая представляет содержание правосубъектности как совокупность трёх элементов: правоспособности,

дееспособности и деликтоспособности. Если рассматривать нововведения с этой точки зрения, то, разумеется, любые нововведения в этой области будут предоставляться необоснованными до тех пор, пока не появится такой субъект, который по уровню сознания и способности руководить своими действиями не сравнится с человеком. Это объяснимо через сравнение с указанными элементами правосубъектности. Так, конструкция дееспособности подразумевает, что ее обладатель действует сознательно, так как он использует свои права и исполняет обязанности, а такие действия обязательно требуют осознанности осуществляющего их лица.

Однако есть и вторая модель интерпретации правосубъектности как способности быть субъектом права вообще (способность иметь права и обязанности). В рамках этой интерпретации предъявляются уже иные критерии к признанию субъекта права. Эта интерпретация позволяла в приведенном примере о процессах против животных в Средние века утверждать о правосубъектности животных, которые были восприняты участниками таких процессов как равноправные с человеком стороны. Однако во второй модели интерпретации правосубъектности есть изъяны. Во-первых, такой подход допускает включение неограниченного числа акторов и даже объектов, которые в соответствии с ним подлежат идентификации как правосубъектные, потому что он опирается на прагматическую установку и деятельностный подход, в соответствии с которыми возможно волевым решением утвердить субъектом права любое существо, если это целесообразно с точки зрения решения насущных проблем. Такое содержание современных

исследований мы рассматривали в первом параграфе первой главы. Во-вторых, получается, что суждение о полном перечне критериев для идентификации субъекта права возможно вынести только ретроспективно. Это значит, что полного перечня критериев, достаточных для выделения субъекта права, привести невозможно. Всегда будет оставаться пробел, который может быть восполнен новыми придуманными критериями, если руководствоваться указанным прагматически-деятельностным подходом. На вооружении исследователей будет только относительный, ограниченный набор таких критериев. Но такое положение ставит науку в затруднительное положение, когда невозможно определённо сказать о критериях базового юридического понятия.

Несмотря на господство такого подхода в юридической практике, в том числе, за пределами Российской Федерации, когда происходит создание нормативной базы для признания правосубъектности животных, природных объектов, иных нетипичных в праве акторов²², для обеспечения обоснованности такого подхода необходимо сосредоточить внимание в рамках исследования на нахождении универсальных признаков, которые позволили бы достоверно идентифицировать субъекта права и отделить его от иных правовых сущностей, не подходящих под признаки субъекта.

Для первоначальной подлежащей проверке гипотезы таких критериев-оснований для идентификации субъекта права предлагаем взять концепцию А.Я. Рыженкова, использованную, в том числе, при составлении отчета по

---

²² Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 2019. С. 36-38.

преддипломной практике. Она состоит в том, что, как отмечает автор, содержанием правосубъектности в настоящее время является три элемента: место, имя и имущество²³. Подтверждение тому, что имущество является содержанием правосубъектности было найдено с помощью примера процедуры распределения имущества ликвидированного юридического лица. Так, даже когда лицо уже было ликвидировано за бездействие в силу ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»²⁴, обязательства его оставались ещё длящимися. Из этого разумно сделать вывод о том, что понятия «лицо» и «субъект права» не равнозначны. Об этом же было сказано и в положениях римского права применительно к аналогичной конструкции лежащего наследства: «Hereditas iacens sustinet personam defuncti», – что значит «лежащее наследство продолжает личность умершего» в книге 41 титуле 1 параграфе 34 Дигест Юстиниана²⁵.

Предположение о том, что место является элементом содержания правосубъектности, нашло свое подтверждение, во-первых, в часто встречающемся дуализме юридического и фактического адреса, из которого стало ясно, что фактический адрес не составляет значения для содержания правосубъектности, поскольку его наличие или отсутствие, то есть совпадение с адресом регистрации, не изменит

---

²³ Рыженков А. Я. Введение в философию гражданского права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 76.

²⁴ Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. № 153-154. 2001.

²⁵ Книга 41 Дигест Юстиниана – Текст : электронный // The Latin Library: сайт. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest41.shtml> (дата обращения 15.10.2020).

ситуацию с содержанием правосубъектности, а вот отсутствие официального адреса станет препятствием для утверждения о существовании юридического лица. А во-вторых, утверждение о месте как содержании правосубъектности нашло отражение в фикции, относящейся к признанию получения юридически значимого сообщения, если оно было направлено по адресу регистрации лица согласно п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁶.

Наиболее дискуссионным и трудным для идентификации являлось приведение примера для доказывания имени как элемента содержания правосубъектности. В качестве иллюстрации мы взяли выполненное задание на преддипломной практике по запросу номера банковского счёта для исполнения обязательства должником в процедуре банкротства по перечислению денежных средств на банковский счёт кредитора. С помощью апелляции к дореволюционным исследователям, римскому праву, современному законодательству и теоретико-правовым концепциям, мы установили, что банковский счёт является именем в широком смысле, то есть категорией, служащей для называния субъектами контрагента в рамках правовой коммуникации. Даже если доступа к счёту у кредитора не будет, а средства на банковский счёт, то есть на имя кредитора, будут перечислены, то обязательство будет считаться выполненным. Как говорил Н.Л. Дювернуа,

---

²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 2015.

человек фигурирует в гражданском обороте с особым «прозванием»²⁷. В корне этого слова кроется ключевое отличие категории «имя». Оно служит, чтобы звать или называть человека. Таким образом, оно должно быть выражено с помощью знаковой системы – языка. Но язык может быть как естественным, так и искусственным, поэтому числовой код, который служит, чтобы называть конкретное лицо или указывать на него, справедливо считать именем.

Поскольку в соответствии с концепцией «имя, место, имущество», чтобы признать субъекта права, нужно наличие трёх этих элементов, процесс верификации она не способна пройти, ведь наличие этих критериев не может быть применимо к животным, природным объектам или роботам, у которых нет имущества, так как они сами являются в стандартных условиях имуществом. Получается, что в качестве универсальной эта концепция неприменима.

Основой второй гипотезы для установления критериев-оснований для идентификации субъекта права являются фигурирующие в современной научной литературе положения о квазиправосубъектности или о «сокращённых субъектах» в дореволюционной научной литературе. В современной литературе этот концепт используется в цитируемом ранее диссертационном исследовании Пономаревой Е.В. «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения». Он ухватывает суть явления, но в приведенной работе не учтено аналогичное понятие сокращённого субъекта, существовавшее ещё до революции. Его автор – В.Н.

---

²⁷ Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву заслуженного профессора С.-Петербургского университета Н.Л. Дювернуа. Т. 1. Введение и часть общая. (Вып. 2. Лица. Вещи). – 4-е изд. СПб., 1902. С. 393-394.

Дурденевский. В своем исследовании он, раскрывая ныне редко обсуждаемую в научной литературе категорию рефлекса права, указывает на дестинаторов (адресатов) рефлекса права – сокращённых субъектов права, названных таковыми в силу особых качеств их личности: рабов в Древнем Риме, животных и ограниченных в дееспособности, поскольку право не предоставляет условий для реализации ими своей правосубъектности в полном объёме²⁸.

Таким образом, у сокращённого субъекта есть следующие признаки, позволяющие утверждать о его субъектности. Наличие законного интереса и существование правовых положений для обеспечения реализации такого законного интереса. Например, недееспособное лицо также не может совершать сделки самостоятельно, вместо него их совершает опекун, а недееспособный в силу рефлексивного действия права получает благоприятные последствия от этой сделки, то есть его законный интерес становится удовлетворённым, и существуют положения, необходимые для его удовлетворения.

Действительно, если у актора нет интереса, тогда становится сомнительной его субъектность, ведь право – инструмент, предназначенный для прагматических целей. Более того, право часто бывает представлено как сфера конфликтов. Поэтому его субъекты входят в правоотношения для действия. Об этом же говорит и конструкция объекта, в котором обратная сторона этого критерия проявлена более ясно. Объект, как пишет Л. Успенский. Если воспринимать это как человеческое поведение или вещь, объектом является благо, по поводу которого складываются

---

²⁸ Дурденевский В.Н. Указ. соч. С. 79-82.

отношения²⁹. Таким образом, правоотношения – это кампания, единственно возможная для получения тех благ, которые являются объектами права. Если благо реально получить, минуя правовую форму, то человек, скорее, прибегнет к её обходу. Об этом свидетельствуют любые коррупционные проявления, которые и отражают эту черту права.

Поэтому считаем интерес и наличие норм, предназначенных для реализации этого интереса – два подтвержденных критерия для идентификации субъекта права.

В связи с тем, что наша позиция противопоставлена прагматически-деятельностному подходу, стоит отметить, что в свете настоящего параграфа даже более корректной является постановка вопроса не о расширении круга правосубъектных лиц, а о пересмотре перечня лиц, которые идентифицированы как правосубъектные. Здесь же стоит отметить, что для сложившегося современного теоретико-правового дискурса является нестандартной даже идея о том, что ещё не родившийся или уже умерший человек являются также субъектами права. Поэтому для выполнения исследовательской задачи составления прогноза расширения круга лиц, подходящих под критерии субъекта права, следует отметить всех известных нам и другим исследователям данного вопроса акторов, которые «претендуют» на признание правосубъектными или по-иному, подходят под критерии субъекта права, которые мы предложили в настоящей работе. Предлагаем классифицировать их на антропных и неантропных.

---

²⁹ Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент. 1927. С. 170-171.

К антропным субъектам права относятся в настоящее время ещё не родившийся человек и умерший человек. Однако, неверным будет утверждение, что все ещё не родившиеся или умершие являются субъектами права. Важно, чтобы были соблюдены два указанных условия. Они становятся соблюденными в следующих случаях. Единственным примером до настоящего времени неродившегося ребёнка, который является субъектом права, являлся насцитурус, если употреблять терминологию римского права. То есть, знание и упоминание о том, кто родится в будущем, уже есть утверждение о наличии интереса у такого лица, которым, однако, он сам сможет воспользоваться только в будущем. В условиях развившихся науки и техники древнеримский термин «насцитурус» становится более широким по своему содержанию, так как остро начинают становиться вопросы о защите человеческих эмбрионов, о которых мы говорили в предыдущем параграфе, статус которых законодательно в Российской Федерации однозначно не определён, в отличие от некоторых зарубежных правовых порядков³⁰, что дает основания для восприятия их как биоматериала или товара. Являлись ли такие эмбрионы субъектами права для российского правового порядка в данном случае? Полагаем, что являлись по тем же основаниям, что и насцитурус. Независимо от того, в какой именно форме проходит «дороговая стадия», право способно защищать интересы человеческого эмбриона, даже если иметь в виду только наследственное право.

---

³⁰ Рыжова А.А. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий : специальность 12.00.02 : дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Пенза, 2018. С. 76.

Среди умерших физически, но не юридически антропных субъектов целесообразно выделить тех, чьи интересы обладают защитой даже после физической смерти их носителя. К таким целесообразно отнести, разумеется, наследодателя. Кроме того, в настоящее время к таким относятся авторы, право на имя которых защищается бессрочно по ст. 1267 ГК РФ и награждённые государственной наградой, правовой статус награжденного носит постоянный характер в соответствии с нормами наградного права, например, п. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П³¹. И, по логике указанных критериев, субъект права существует до тех пор, пока существуют его юридически значимые интересы, которые подлежат защите. Такое случается, например, когда об усопшем забывают (не защищают его «доброе имя» в силу абз. 3 ст. 150 ГК РФ), когда его обязательства исполнены, наследственная масса распределена, и нет иных правоотношений, в которых бы имело значение присутствие его персоны. В последнем случае кардинально изменяют ситуацию аккаунты в сети Интернет.

Учётная запись пользователя в сети Интернет является тем же, чем является тело человека в физическом мире, потому что и то, и другое представляет собой форму и средство действия субъекта в однородной телу среде. Из этого следует, что наличие цифрового тела в общем или приближенном к такому масштабу доступе открывает узел правоотношений имущественных и неимущественных по

---

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демьшиной» // Российская газета. 2020. № 51.

аналогии с обычным телом, хотя для обычного тела время и локация таких правоотношений существенно более ограничены. Так, после смерти человека открывается возможность, во-первых, изъятия органов у трупа для трансплантации в силу презумпции согласия данного лица или его близких родственников изъятия органов³². Во-вторых, открывается возможность бесчестящих действий, что предусмотрено в ст. 244 УК РФ. В случае же с цифровым телом возникает аналогичная ситуация: во-первых, встают вопросы собственности на учётную запись, особенно если в эту учётную запись интегрирован платный контент (доступ к фильмам, аудиозаписям, платный инвентарь в игровых аккаунтах и т.п.). Во-вторых, открывается доступ для бесчестящих действий с этим аккаунтом для широкой аудитории (например, оставление порочащего комментария на стене или в ленте этого профиля, когда такой параметр включён) и, соответственно, их правовой защиты. В-третьих, в силу специфики цифрового тела, открываются вопросы доступа к информации, воспользоваться которой может только пользователь этой страницы (личная переписка и т.п.). В сумме, аккаунт выходит за рамки определённых выше границ субъекта права и приравнивает юридическое бессмертие авторов и награждённых лиц и не являющихся ими физических лиц – пользователей интернет-ресурсов. Отсюда видно, что нового субъекта здесь не появляется, но благодаря новым технологиям расширяется круг лиц, правосубъектность которых продляется на неопределённое

---

³² Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263.

количество времени. Об этом явлении мы поговорим в следующей главе.

Среди неантропных субъектов ситуация более трудная. Если в предыдущем случае речь шла, в основном, про временное отличие принадлежности правосубъектности, то при описании динамики принадлежности правосубъектности неантропных субъектов в связи с влиянием современных технологий речь пойдёт только о круге акторов. Стоит оговориться, что мы ведём речь только про российский правопорядок. Системно перечень таких акторов представлен в упомянутом ранее концепте квазисубъектов, к которым в литературе относят животных, роботов или юнитов искусственного интеллекта и существ, в отношении которых произошло нетипичное биотехнологическое вмешательство в их генотип. К последним, как мы выяснили в предыдущем параграфе, относятся эмбрионы, химеры, клоны, представители животного мира в Российской Федерации.

Начнём с правосубъектности животных. По критерию наличия закреплённого в законе интереса эта категория подходит под признаки правосубъектности, поскольку законодатель закрепляет ответственность за жестокое обращение с животными, например, в ст. 245 Уголовного кодекса РФ, признавая тем самым интерес, аналогичный интересу сохранения жизни и здоровья, личной неприкосновенности у людей. В некоторых правоотношениях законодатель даже признаёт возможность за животными самостоятельного совершения юридически значимого действия, когда необходим учёт привязанности домашнего животного (а следовательно, и приписывания ему сознательной активности в этой части) за прежним хозяином

в случае приобретения права на безнадзорное животное в ч. 2 ст. 231 Гражданского кодекса РФ. Исходя из написанного, мы приходим к выводу, что животные в настоящее время в Российской Федерации не только подходят по базовому критерию интереса, но также и по критерию воли.

Исследования о правосубъектности роботов или юнитов искусственного интеллекта обычно предваряется рассуждением о целесообразности такого признания, которое, как правило, находится в необходимости перераспределения ответственности. Например, в случаях с транспортными происшествиями с участием беспилотных автомобилей уже имевших место. Для этого исследователи предлагают наделить робота правами юридического лица в целях возложения на него ответственности в виде имущественной компенсации за счет денежных средств, аккумулируемых у такого робота³³. Но о каком законном интересе может идти речь, когда правосубъектность планируют установить только для принятия ответственности? Трудно представить, что актер вступает в далеко не комфортную сферу права, в частности, в правоотношения, только для того, чтобы взять на себя риск ответственности. Это противоречит общей логике права. Иных сведений о наличии у роботов интересов нет. Поэтому отсутствие критериев не позволяет идентифицировать роботов как субъектов права.

Третья категория наиболее трудная для идентификации. С одной стороны, про фигурирующих в рамках этой категории человеческих эмбрионов мы уже писали ранее.

---

³³ Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 44.

Правосубъектности животных независимо от вмешательства в их генотип также были посвящены положения в настоящей работе. Полагаем, что между изменениями в контексте наличия закреплённых в законе интересов у животных и изменениями в генотипе таких животных нет корреляции, потому об их правосубъектности корректно заключить то же самое, что и было заключено про правосубъектность животных вообще. Единственной группой акторов в рамках данной категории, вопрос о правосубъектности которой не решён, являются существа, со смешанным генотипом, химеры или гибриды.

В предыдущем параграфе мы указали, что круг существ, сходных по сознательному и волевому компонентам с животными или даже людьми, расширяется за счёт применения биотехнологий, и что причисление их к субъектам права с точки зрения юридической техники не составляет затруднений. Однако, следует сказать, что на данный момент в российской нормативно-правовой базе ни нами, ни даже исследователями, специализирующимися на рассматриваемой теме, не было обнаружено актов, специально посвящённых охране интересов химер или гибридов. Полагаем, что это обоснованно в силу прохождения только опытного этапа на данный момент. Когда же это станет массовым явлением, то правосубъектность химер следует определять в зависимости от её сходства с животным или человеком, варьируя уже её компоненты.

Таким образом, мы установили, что более корректной является постановка вопроса не о расширении круга правосубъектных лиц, а о пересмотре перечня лиц, которые идентифицированы как правосубъектные, так как

правосубъектность устанавливается не произвольно. Среди таких лиц или акторов мы утвердительно ответили на вопрос о правосубъектности животных, отрицательно ответили на вопрос о правосубъектности роботов или юнитов искусственного интеллекта. И сделали, собственно, прогноз о правосубъектности химер или гибридов, так как в настоящее время нет ни правовых положений в российском законодательстве, которые бы свидетельствовали о защите интересов химер, ни самой практики появления гибридов, что, полагаем, является следствием и причиной. Если создание химер станет распространённой практикой по результатам проводимых в настоящее время биотехнологических исследований, то прогноз стоит дать положительный, потому как на них будут распространяться положения либо о животных, либо о человеке, правосубъектность которых мы утверждаем, но количественные параметры правосубъектности будут различаться сообразно таковым у человека и животного.

Глава 2. Аккаунты в сети «Интернет» и принадлежность правосубъектности

2.1 Правовое положение аккаунта на площадке сети «Интернет»

В настоящее время, когда глобальная сеть «Интернет» распространила своё влияние практически на большинство стран мира и такой процесс продолжается, продолжается и внедрение технологий, связанных с этой сетью в обиход людей. Встраивание в повседневную жизнь указанной сети проходит не бесследно. поскольку обязательным условием существования человека в ней является наличие учетных записей, посредством которых человек только и сможет проявлять полноценную активность в сети Интернет. Для права это явление не прошло бесследно, поскольку охраняемые правом блага, по большей части нематериальные (информация, изображения и честь гражданина), но также не исключаются и материальные блага (платные подписки в аккаунтах социальных сетей), аккумулируемые посредством такого аккаунта, оказались в новом для права положении виртуальной реальности. Поэтому на настоящее время остро стоит вопрос о правовом положении аккаунта на площадке сети «Интернет». А для нашего исследования важно определить, поскольку вопрос об аккаунтах мы уже затронули в предыдущей главе, стоит ли идентифицировать учётную запись, аккаунт в социальной сети как нового субъекта права, как можно предположить на поверхностном уровне, или же более корректно квалифицировать его как объект права, но который является инструментом продления правосубъектности по аналогии с существующей конструкцией лежачего наследства.

В настоящее время существует несколько подходов к определению правового положения аккаунта. Исследующие аккаунт в социальной сети в контексте наследственных правоотношений пишут, что существуют основания для рассмотрения аккаунта как базы данных, записи на сервере собственника социальной сети, прав и обязанностей³⁴. Рассмотрим эти версии для верификации.

Под базой данных гражданское законодательство, в частности, ст. 1260 ГК РФ понимает составное произведение в виде совокупности материалов, систематизированных для возможности их нахождения и обработки с помощью электронной вычислительной машины³⁵. Исследователи приводят в пример дело ООО «Вконтакте» против ООО «Дабл», в котором центральный предмет спора состоял в признании информации со страниц пользователей в социальной сети базой данных³⁶. Однако, чтобы признать один аккаунт базой данных следует, чтобы на его создание были произведены существенные финансовые, материальные, организационные или иные затраты либо там было не менее десяти тысяч записей. Разумеется, далеко не все аккаунты подходят под эти критерии, поэтому стоит отклонить эту версию.

Аккаунт также представляют как запись на сервере собственника интернет ресурса, однако эта версия остаётся наиболее запутанной даже для самих авторов такого

---

³⁴ Панарина М.М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. № 3. 2018. С. 27-28.

³⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая : (по сост. на 30.04.2021) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. № 289. 2006.

³⁶ Страница дела № А40-18827/2017 ООО «Вконтакте» против ООО «Дабл» // Картотека арбитражных дел. Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556> (дата обращения 30.04.2021).

предложения, поскольку остаётся неясным юридическая сторона вопроса³⁷.

Также мы отмечали, что аккаунт в юридической плоскости представляют как права и обязанности из соглашения с организатором социальной сети. В отношении сходного по режиму лежачего наследства в контексте этой версии актуально упомянуть теорию бессубъектных прав³⁸, в которой на первое место выходит не техническая сторона вопроса, а юридическая. С помощью этой концепции легко объяснить переход прав в наследственных правоотношениях как обычный переход прав.

Исследователи также представляют аккаунт в социальных сетях как произведение литературы, науки или искусства, однако такой подход нам представляется слишком общим с учётом того, что те же исследователи в дальнейшем конкретизируют это суждение и сводят его к базе данных³⁹.

С точки зрения теории права, для определения правового положения аккаунта сперва следует ответить на предварительный вопрос: является ли аккаунт в социальной сети объектом права или представляет собой нового субъекта права. В пользу признания аккаунта в сети Интернет за нового субъекта права служит, во-первых, устоявшееся восприятие такой учетной записи как личности человека, а во-вторых, указания исследователей на существование цифрового статуса человека, связанного с правосубъектностью, в который включается наличие аккаунта в сети Интернет⁴⁰. В пользу отождествления

³⁷ Панарина М.М. Указ. соч. С. 28.

³⁸ Хвостов В.М. Система римского права. М., 2020. С. 124.

³⁹ Довлатова А.М. Правовая защита аккаунтов в социальных сетях: основные тенденции и возможности // The scientific heritage. VOL 4. № 57. 2020. С. 14-17.

⁴⁰ Стефанчук Р.А. Электронное лицо: фантастика или ближайшая реальность? // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в

учётной записи и объекта прав, лишь связанного с правосубъектностью, служат аргументы отсутствия автономного действующего начала и применимости правомочий собственника к аккаунту.

Амбивалентное положение предмета нашего исследования разрешается через аналогию с правовым положением тела человека, разделяющим смешанность юридических категорий в этой области. Представляется, что аккаунт на площадке сети Интернет является тем же, чем является тело человека в физическом мире, потому что и то, и другое представляют собой форму и средство действия субъекта в однородной телу среде.

Хотя по жизни и смерти тела иногда судят о прекращении и появлении правосубъектности, аутентичная интерпретация понятия лица (*persona* с лат. – театральная маска)⁴¹, ясно указывает на различие субъекта права, той самой «маски», и тела – объекта, с помощью которого эта «маска» сможет действовать. А в данном случае виртуального тела – аккаунта в социальной сети. На основании этой гипотезы мы предлагаем перейти непосредственно к теме нашего исследования и рассмотреть, как аккаунт в социальной сети влияет на динамику правосубъектности, а также продолжить рассмотрение уже затронутого вопроса о продлении правосубъектности умершего человека благодаря аккаунтам.

контексте инновационного социально-экономического развития общ-ва. Тезисы докладов МНПК, посвящ. памяти проф. Н.Г. Юркевича. 2018. С. 204.

⁴¹ Дождев Д.В. Римское частное право. Учеб. Для вузов. М. 1996. С. 252.

2.2 Влияние аккаунта в социальной сети на динамику правосубъектности

Приведенный материал позволяет составить представление о динамике правосубъектности, в том числе, которая совершается под влиянием современных технологий, как о явлении многоаспектном. Как мы увидели из первой главы, динамика правосубъектности может выражаться либо в изменении длительности правосубъектности субъекта права или изменении круга или перечня субъектов права.

Механизм динамики правосубъектности исходя из приведенных рассуждений можно представить следующим образом. Появляются объективные факторы, которые становятся причинами появления таких действующих лиц, которые подходят по критериям закрепленного в законе за ними интереса, что в дальнейшем становится основанием для идентификации их как субъектов права. Иной способ состоит в изменении позиции по отношению к критериям субъекта права, когда исследователи или законодатель, занимающиеся вопросами правосубъектности, предлагают волевым решением в зависимости от необходимости решения тех или иных проблем юридических и неюридических предоставить новым ранее не признаваемым лицам статус субъекта права. Но также есть и смешанные способы. Например, неясно, к какому из этих двух способов отнести изменения культурной парадигмы, которые влекут изменения подходов к определению правосубъектности существовавших ранее лиц. Примером тому является упомянутые средневековые процессы против животных, когда за животными признавалась правосубъектность, или как в настоящее время, когда прогрессистское культурное течение побуждает

признать правосубъектность животных вплоть до приравнивания её к человеческой правосубъектности. Такие случаи следует отнести к смешанному способу, когда имеются и объективные и субъективные факторы, влияющие на динамику правосубъектности

Аккаунт в социальной сети, как стало ясно из изложения материалов в предыдущем параграфе, некорректно квалифицировать как катализатор динамики правосубъектности по кругу лиц, потому что никакого содержательно нового субъекта права с появлением в юридической области аккаунта в социальной сети не появляется. Однако в предыдущей главе мы отмечали, что такие аккаунты позволяют во временной плоскости продлевать правосубъектность умершего человека.

Механизм продления правосубъектности аккаунтом социальной сети следующий. В силу того, что аккаунт корректно представить как аналог тела человека в физическом мире в мире виртуальном, то некоторые правоотношения, складывающиеся в связи с попаданием в правовое поле физического тела, справедливо применять и в отношении тела виртуального, то есть аккаунта или учетной записи.

Если же рассматривать правоспособность не как способность быть субъектом права, а как совокупность трех элементов, правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, то в этом случае аккаунт социальной сети влияет также и на правосубъектность живого человека, потому что с появлением аналога физического тела в виртуальном пространстве появляются и новые правомочия,

аналогичные так называемым соматическим правам в отношении обычного тела.

Такие права представляют правомочия субъектам права модифицировать своё тело, распоряжаться им и производить иные манипуляции операции со своим телом⁴². Однако, существует и иная позиция по поводу соматических прав или прав тела. По описанию З.А. Горюшкина можно квалифицировать рассматриваемые права как негативные права или как свободу, так как они являются не активной поведенческой возможностью, а ограничением поведения для «сохранения нашего телесного состава»⁴³.

Аналогичные права появляются и у обладателей аккаунтов в сети Интернет. Последние становятся управомоченными в пределах, устанавливаемых социальной сетью или иной интернет площадкой, модифицировать свой аккаунт, добавлять туда дополнительную информацию, приобретать платный контент. В результате виртуальное тело приобретает черты индивидуально определенной вещи, которые являются следствием реализации таких соматических прав в виртуальном пространстве.

Однако такие правомочия относятся, скорее, к содержанию правосубъектности, а не её принадлежности. Мы выяснили, что учетная запись или аккаунт является аналогом физического тела. Однако, в отличие от физического тела, оно остаётся в публичном доступе даже и после смерти своего владельца, что создаёт условия для возникновения новых правоотношений по поводу этого объекта права. Отсюда становится видно, что основным

---

⁴² Старовойтова О. Э. Тело человека и закон: моногр. СПб., 2019. С. 4.

⁴³ Горюшкин З.А. Руководство к познанию российского законоискусства. Том 1. М., 1811. С. 81.

направлением влияния аккаунта на правосубъектность является её продление благодаря описанным явлениям, которые в литературе обозначают как цифровое бессмертие⁴⁴. Поэтому предлагаем перейти к исследованию того, как аккаунт влияет на правосубъектность умершего человека.

2.3 Влияние аккаунта на правосубъектность умершего человека

В контексте раскрытия темы о расширении круга правосубъектных лиц мы отмечали, что среди умерших физически, но не юридически антропных субъектов разумно выделить тех, чьи интересы обладают защитой даже после физической смерти их носителя: наследодатели, авторы и награждённые государственной наградой. Поскольку субъект права существует до тех пор, пока существуют его юридически значимые интересы, которые подлежат защите, фактическое существование аккаунта в социальной сети после смерти его обладателя автоматически продляет его правосубъектность, поскольку открывается возможность бесчестящих действий (например, оставление порочащего комментария на стене или в ленте этого профиля, когда такой параметр включён), встают вопросы собственности на учётную запись, особенно если в эту учётную запись интегрирован платный контент (доступ к фильмам, аудиозаписям, платный инвентарь в игровых аккаунтах и т.п.), открываются вопросы доступа к информации, воспользоваться которой может только пользователь этой страницы (личная переписка и т.п.). В сумме, аккаунт

---

⁴⁴ Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 8.

выходит за рамки определённых выше границ субъекта права и приравнивает юридическое бессмертие авторов и награждённых лиц и не являющихся ими физических лиц – пользователей интернет-ресурсов.

Проблемой существования в социальных сетях аккаунта умершего человека озаботились ещё в первом десятилетии нашего века. Алгоритмы социальной сети продолжали представлять аккаунт умершего как профиль живого человека: предлагали связаться с ним, поздравить с днём рождения, – как говорится в источнике, создавали «призраков»⁴⁵.

Фактически, действием, которое может спасти от цифрового бессмертия и всех вытекающих из него юридических обстоятельств, является удаление аккаунта администратором сети после смерти пользователя. Вопрос «умерщвления» аккаунтов получил законодательное отражение во Франции. Так, Закон Франции № 2016-1321 от 7 октября 2016 «О цифровой республике» закрепил право на цифровую смерть, в соответствии с которым лицо может выразить обязательное для третьих лиц и администраторов интернет ресурсов волеизъявление по удалению своего аккаунта или информации в нём⁴⁶. По сути, право на цифровую смерть является специальной нормой по отношению к праву на цифровое забвение, установленному в Хартии о праве на забвение 2010 года. Указанная правовая форма сводит комплекс вопросов о правовом режиме

---

⁴⁵ As Facebook Users Die, Ghosts Reach Out // Сайт «The New York Times». URL: <https://www.nytimes.com/2010/07/18/technology/18death.html> (дата обращения 01.11.2020).

⁴⁶ Статья 63 Закона Франции № 2016-1321 от 7 октября 2016 // Сайт публикации французского законодательства «Legifrance». URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000033203260?r=BPtAiAasMZ (дата обращения 01.11.2020).

аккаунта умершего до одного – вопроса порядка и формы обращения к администраторам интернет ресурсов для удаления аккаунта.

Наиболее обстоятельный ответ на поставленный вопрос о разрешении приведённых отношений содержится в решении Федерального суда Германии III ZR 183/17 от 12.07.2018, в котором суд признал возможность, во-первых, наследования аккаунта (так как имеет место универсальное правопреемство по Пользовательскому соглашению социальной сети), а во-вторых, предоставления доступа к личным данным пользователя. В решении второго вопроса суд применил аналогию закона Германского гражданского уложения (§ 2074 и § 2737), оставляющего наследникам в распоряжение личные обязательства, письма, фотографии наследодателя, что оказалось сочетаемым с телекоммуникационной тайной Закона ФРГ о телекоммуникациях (§ 88)⁴⁷.

Так как правовые системы Франции и Германии являются родственными праву РФ, можно с оговорками применить имеющиеся решения вопросов к российскому праву. Так, «наследование аккаунтов» представляет собой случай универсального наследственного правопреемства прав по Пользовательскому соглашению с социальной сетью или иной интернет-площадкой либо наследование нововведённых цифровых прав (141.1 ГК РФ). Однако, препятствием для получения доступа к аккаунту является ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, а также ст. 63 Федерального закона

---

⁴⁷ Решение Федерального суда Германии III ZR 183/17 от 12.07.2018 // База решений Федерального суда Германии. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=pm&Datum=2018&Sort=3&nr=85390&pos=0&anz=115> (дата обращения 01.11.2020).

«О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ. И в российском праве нет статьи для наследования писем, фотографий и иных документов, сходных с таковыми в ГГУ, которые можно было бы применить по аналогии.

Также проблемным представляется реализация права на забвение, установленная ст. 10.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так как в статье говорится о подаче заявления на удаление только поисковых ссылок и только живым заявителям. Право на забвение может быть реализовано лишь через завещательное распоряжение (1139 ГК РФ), которое, однако, наткнётся на препятствия тайны связи и личной тайны.

Таким образом, аккаунт умершего человека на данном этапе представляет собой связь публично- и частноправовых отношений, значительно продлевающих правосубъектность умершего человека наравне с авторами и награждёнными государственными наградами, бессрочный статус которых закрепляет само законодательство. Однако проблемой в случае с продлением правосубъектности обладателей аккаунтов в сети Интернет является неподготовленность законодательной системы к ограничению такого продления правосубъектности для лиц, для которых не предназначены такие инструменты бессрочной защиты их субъекта права.

Глава 3. Проблема правосубъектности искусственного интеллекта

Связанным с вопросом об аккаунтах в сети Интернет и также обсуждаемом в научном сообществе является вопрос о том, являются ли юниты искусственного интеллекта субъектами права⁴⁸.

Пристальное внимание законодателя в настоящее время обращено на вопросы развития новых технологий, к которым относится искусственный интеллект. В настоящее время даже приняты программные документы, к которым относится «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В соответствии с её положениями, искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека⁴⁹.

Приведённое определение не позволяет прояснить, на каких основаниях поставлен вопрос о правосубъектности указанного комплекса технологических решений. Прояснение мы находим в работах исследователей, которые поднимают вопрос не о правосубъектности искусственного интеллекта в целом, а о правовом положении юнитов (систем, представителей или «единиц») искусственного интеллекта. Как отмечает П.М. Морхат, искусственный интеллект – это

---

⁴⁸ Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография М., 2018. С. 7-9.

⁴⁹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система, обладающая особыми способностями и возможностями⁵⁰. Оба определения указывают на признак автономности, который становится одним из центральных аргументов для признания правосубъектности юнитов искусственного интеллекта.

Следует отметить этот упоминаемый часто в литературе признак автономности, представляемый как аргумент за правосубъектность юнитов искусственного интеллекта⁵¹. Полагаем, что указанный признак может быть критерием, но не основополагающим для выделения субъекта права. Дело в том, что даже отсутствие автономности не лишает правосубъектности её носителя. Так, гражданин, признанный недееспособным, не прекращает быть субъектом права. Поэтому, наличие или отсутствие автономности у юнитов искусственного интеллекта, не может быть расценён как аргумент за или против наличия их правосубъектности.

Также, как мы отмечали ранее, основные вопросы, связанные с признанием правосубъектности юнитов искусственного интеллекта связаны с установлением ответственности либо для самих юнитов искусственного интеллекта, либо для их владельцев, а также вопросы, связанные с перераспределением такой ответственности⁵². Ситуация выглядит противоположной в сравнении с обсуждением правосубъектности животных. Так, если в отношении животных, напротив, предлагают предоставить

---

⁵⁰ Морхат П.М. Указ. соч. С. 5.

⁵¹ Юридическая концепция роботизации: монография. М.: Проспект, 2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵² Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Указ соч. С. 39.

дополнительное право, расширить круг правомочий, уже предоставленных на данный момент, иными словами, улучшить их положение, как, например, это сделано и в недавних изменениях законодательства Российской Федерации с принятием Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными»⁵³, то в отношении искусственного интеллекта говорят не о правах, а об ответственности, то есть ухудшении их положения. Если следовать логике интерпретации правосубъектности как суммы правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, то исследователи, ведущие речь о признании правосубъектности за юнитами искусственного интеллекта для перераспределения ответственности, планируют признать только деликтоспособность, упуская те области правоспособности и дееспособности, которые позволяют лицу иметь субъективные права и пользоваться ими.

Такой перекося в сторону ответственности замечают некоторые исследователи и предлагают предоставить юнитам искусственного интеллекта субъективные права. Они отмечают, что дискурс вокруг признания правосубъектности юнитов искусственного интеллекта по содержанию имеет смысл дискурса о создании категории рабов нового типа⁵⁴. Но и это не снимает общей проблемы признания за юнитами правосубъектности. Находятся противники и позиции предоставления прав юнитам искусственного интеллекта, строящие критику на основании того, что даже если

---

⁵³ Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» // Российская газета. № 295. 2018.

⁵⁴ Hubbard F.P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. 2011. Vol. 83. P. 407.

опираться на субъектность юнитов искусственного интеллекта, то она не будет этически устроена, как субъектность человека⁵⁵.

Те, кто аргументирует тезис о правосубъектности юнита искусственного интеллекта, апеллируют к сходству между человеком и юнитом искусственного интеллекта, которые позволяют в некоторых случаях даже говорить о самосознании последнего. Существуют даже радикализирующие это положение работы, выступающие с позиций кибернетической антропологии, в которых отстаивается сущность человека как «высокоразвитого биоробота», функционирующего на основе программ⁵⁶. Но в данном случае необходимо отметить, что для того, чтобы достаточно фундаментальное понятие субъекта права распространять на юнит искусственного интеллекта, который предстаёт в достаточно разных, вариативных формах и который не получил ещё своей стабильной формы выражения, недостаточно одного лишь сходства с человеком даже если сходство значительное. Ведь право регулирует отношения однородные и такое регулирование носит абстрактный характер. Поэтому устанавливать правовое регулирование под каждого отдельного юнита искусственного интеллекта было бы нарушением принципа экономии юридической техники.

Остановимся подробнее на упомянутом сходстве юнитов искусственного интеллекта и людей. Сам факт признания сходства имплицитно указывает на самостоятельность

---

⁵⁵ Морхат П.М. Указ. соч. С. 74.

⁵⁶ Роботы заявляют о своих правах : парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий : коллективная монография. Владивосток., 2020. С. 104.

сравниваемых объектов, существование между ними базовых отличий. И вот из таких отличий самым заметным для исследований субъектов права становится отсутствие волевого критерия – третьего критерия, дополняющего вышеперечисленные и в сумме с ними предоставляющего полный инструментарий для идентификации субъектов права. Так, без этого критерия станут бесполезными значимые правовые формы: заключение сделок, требующих единства воли и волеизъявления, юридическая ответственность, настроенная на изменение волевой направленности. Поэтому, именно по его наличию или отсутствию возможно корректно ответить на вопрос о правосубъектности юнитов искусственного интеллекта. Хотя в настоящее время технологии такому критерию не отвечают, но для правового измерения вновь появляющихся разработок он является весьма полезным.

Наше исследование в этой части было бы пробельным, если бы мы не упомянули о достаточно часто цитируемому документу в работах по роботизации и цифровизации права, Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 года. В резолюции приведены рекомендации для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике (2015/2013(INL)), однако даже в ней представление о роботах основано на художественных произведениях, которые перечислены во введении к документу⁵⁷. Этот пример отражает представление о юнитах искусственного интеллекта, отражающий смешанное с

---

⁵⁷ Выдержка из Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями для Европейской комиссии о нормах гражданского права о робототехнике // Сайт исследовательского центра проблем регулирования робототехники. Режим доступа: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения 25.05.2021).

представлениями художественными о роботах и способах их действия, что в технико-юридическом аспекте представляется недопустимым.

Поэтому в данном случае наш вывод строится аналогично приведенным ранее рассуждениям о правосубъектности химер или гибридов, где мы указывали, что такие существа ещё не являются нормой практики, чтобы производить правовое регулирование по созданию условий признания их правосубъектности. И с того момента, когда научные исследования придут к выводу в конкретной форме, когда результаты таких научных исследований станут массово внедряться в практику и получат своё отражение не только в рамках научных лабораторий, но и обиходе человека, тогда вопрос следует разрешать по приведенным критериям. То есть по наличию интересов юнита искусственного интеллекта и закреплению их в законе. Дополнительным критерием разумно считать критерий проявления воли и целеполагания, требующий совершения множества юридических операций.

Заключение

Итогами нашей работы стало достижение поставленных целей и задач, заключающихся в полномерном исследовании различных аспектов темы правосубъектности, касающихся как положений классических, относящихся к критериям правосубъектности и сложившимся в юридической науке подходам к её определению, так и положений о новшествах, которые существуют ныне и появляются в настоящее время благодаря научно-техническому развитию и изменениям в культуре.

Основным вопросом, подлежащим разрешению из числа основополагающих и общих, являлся вопрос о критериях, по наличию или отсутствию которых возможно идентифицировать правосубъектность у действующих лиц. Этот вопрос важно было разрешить, поскольку без него невозможно разрешить и сопутствующие вопросы, подлежащие разрешению в настоящей работе, о правосубъектности животных, человекоподобных живых существ, роботов, юнитов искусственного интеллекта – тех, кого называют «квазисубъектами права» в научной литературе.

Мы выяснили, что существуют, во всяком случае, два подхода к определению правосубъектности в теоретико-паровой литературе настоящего времени. Первый предполагает рассмотрение правосубъектности как триединства правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, при наличии которых действующее лицо может быть признано субъектом права. Второй предполагает наличие лишь возможности действующего лица быть субъектом прав и обязанностей. Нами было замечено,

что последний подход, более универсальный, выходящий за рамки признания только человека субъектом права, является условием часто встречающихся в литературе дискуссий о расширении круга субъектов, которые подходят под критерии правосубъектных акторов. Однако, содержащиеся в таких работах заявления о возможности признания ряда действующих лиц субъектами права не подтверждаются на практике. Разрешению такой ситуации в нашем исследовании способствовало дополнение указанного подхода выведенными критериями правосубъектности: во-первых, наличия в праве закреплённых за действующим лицом положений, признающих за ним возможность юридически-значимого действия, а во-вторых, также имеющиеся в праве положения, признающие за действующим лицом интерес. Дополнительным критерием был взят критерий возможности проявления воли, который целесообразно применять в спорных ситуациях, когда первых двух критериев оказывается недостаточно для верификации.

Процессом, который фактическое действующее лицо позволяет идентифицировать как субъект права является процесс признания, исследованный в первой главе. Это позволило проблематизировать часто встречающуюся постановку вопроса о признании какого-либо действующего лица права субъектом права. Нам удалось установить, что признание – процесс, существующий в рамках конкретного акта правовой коммуникации. Это значит, что в современных исследованиях по проблематике расширения круга правосубъектных лиц называют признанием, на самом деле имеет смысл действий по созданию законодательных положений для последующих актов признания, которые уже

и будут признавать правосубъектность за отдельными субъектами в конкретном случае правовой коммуникации. Отсюда следует, что пока не создано соответствующих законодательных условий некорректно вести дискурс о признании субъектов права, поскольку один из главных критериев для субъекта права – наличие правовых положений, признающих за актором возможность юридически значимого действия – отсутствует.

Исходя из указанных посылок мы произвели оценивание имеющихся исследований о правосубъектности акторов, входящих в группу так называемых квазисубъектов права на предмет их правосубъектности. Среди таких лиц или акторов мы утвердительно ответили на вопрос о правосубъектности животных, отрицательно ответили на вопрос о правосубъектности роботов или юнитов искусственного интеллекта. И сделали прогноз о правосубъектности химер или гибридов и юнитов искусственного интеллекта, так как в настоящее время нет ни правовых положений в российском законодательстве, которые бы свидетельствовали о защите интересов указанных действующих лиц. Однако, если создание химер которые смогут иметь свой интерес в праве, станет распространённой практикой по результатам проводимых в настоящее время исследований, то прогноз стоит дать положительный, потому как на них будут распространяться положения либо о животных, либо о человеке, правосубъектность которых мы утверждаем, но количественные параметры правосубъектности будут различаться сообразно таковым у человека и животного. Аналогично, если в будущем юниты искусственного интеллекта войдут в обиход человека, что будет опосредовано

правом с изменением отношения к юниту искусственного интеллекта не как только к субъекту ответственности, а как как субъекту, интересы которого стоит охранять, то вести речь о признании правосубъектности за роботом, юнитом искусственного интеллекта будет корректно.

Поэтому в качестве перспектив дальнейшей разработки темы и предложений мы упомянем следующие положения. Во-первых, следует провести дальнейшую работу касательно критериев правосубъектности, заключающуюся в их верификации и, если таковые операции потребуются, их дополнению и систематизации получившегося перечня. Во-вторых, для дальнейшей разработки темы в аспекте исследования круга правосубъектных лиц необходимо производить мониторинг вновь появляющихся действующих лиц или квазисубъектов для проверки этой информации и сравнения качеств возникающих действующих лиц и критериев правосубъектности. Последняя рекомендация применима также для получения ответа на ожидающий своего ответа в настоящее время вопрос о признании правосубъектности химер и роботов в будущем.

Библиографический список Нормативно-правовая база:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая : (по сост. на 09.03.2021) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая : (по сост. на 30.04.2021) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. – № 289. – 2006.
3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. – № 153-154. – 2001.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – № 263.
5. Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» // Российская газета. – 2018. – № 295.
6. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
7. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» // Доступ из СПС Гарант.

Монографии, статьи, сборники статей:

8. Анисимов, А.П. Классификация прав животных: дискуссионные вопросы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – № 1 (34). – С. 183-188.

9. Гаджиев, Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24 – 48.

10. Горюшкин, З.А. Руководство к познанию российского законоискусства / З. Горюшкин, препод. в Императорском Моск. ун-те. – М. : в Унив. тип., 1811. – 364 с.

11. Довлатова, А.М. Правовая защита аккаунтов в социальных сетях: основные тенденции и возможности // The scientific heritage. – VOL 4. – № 57. 2020. – С. 14-17.

12. Дождев, Д.В. Римское частное право. Учеб. Для вузов. - М.: Норма, Инфра-М, 1996. – 704 с.

13. Дурденевский, В.Н. Субъективное право и его основное разделение // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Вып. 1 / Под ред. Г. В. Вернадского. Пермь, 1918. – С. 66 – 101.

14. Дювернуа, Н.Л. Чтения по гражданскому праву заслуженного профессора С.-Петербургского университета Н.Л. Дювернуа. Т. 1. Введение и часть общая. (Вып. 2. Лица. Вещи). – 4-е изд. - СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 434 с.

15. Канторович, Я.А. Процессы против животных в средние века. –СПб. : «Центральная» Типо-Литогр. М. Я. Минкова. 1898. – 58 с.

16. Крысанова, Н.В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: государство и право. – 2021. – № 1. – С. 23-31.

17. Морхат, П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография / П.М. Морхат. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 113 с.

18. Панарина, М.М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. – № 3. – 2018. – С. 27-28.

19. Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. ; ИЗИСП при Правительстве РФ. – М. : Проспект, 2020. — 434 с.

20. Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография/ под общ. Ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М. : Проспект, 2019. – 224 с.

21. Роботы заявляют о своих правах : парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий : коллективная монография / под ред. А.Ю. Мамычева, Г.В. Петрук; Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2020. – 216 с.

22. Рыженков, А.Я. Введение в философию гражданского права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. – 184 с.
23. Рыжова, А.А. Эксперименты в области биомедицины: проблемы законодательного урегулирования / А. А. Рыжова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2019. — Т. 7, № 3 (27). — С. 60-65.
24. Сассон, А. Биотехнология: свершения и надежды / А. Сассон,- М.: Мир, 1987. – 412 с.
25. Старовойтова, О.Э. Тело человека и закон: моногр. / О.Э. Старовойтова; вступ. ст. Э. В. Кузнецова. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – 120 с.
26. Стефанчук, Р.А. Электронное лицо: фантастика или ближайшая реальность? // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общ-ва. Тезисы докладов МНПК, посвящ. памяти проф. Н.Г. Юркевича. 2018. С. 204.
27. Талапина, Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5-17.
28. Успенский, Л. Очерки по юридической технике / Л. Успенский. – Ташкент. – 1927. – 213 с.
29. Хвостов, В.М. Система римского права / В. М. Хвостов. — М. : Изд. Юрайт, 2020. – 540 с.
30. Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Диссертации

31. Рыжова, А.А. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий : специальность 12.00.02 «конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : дисс. на соискание ученой степени к. ю. н. / Рыжова А.А. – Пенза, 2018. – 206 с.

32. Пономарева, Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пономарева Е.В. – Екатеринбург : Уральский гос. юр. ун-т, 2019. – 208 с.

Судебная практика

33. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // Российская газета. – 2020. – № 51.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 2015.

35. Страница дела № А40-18827/2017 ООО «Вконтакте» против ООО «Дабл» // Картотека арбитражных дел. Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556> (дата обращения 30.04.2021).

Иностранная литература

36. Collins, T., Esterling, S. Fluid personality: Indigenous rights and the «Te Awa Tupua (Whanganui River claims

settlement) act 2017» in Aotearoa New Zealand // Melbourne Journal of International Law. – 2019. – 20 (1). – P. 197-220.

37. Hubbard, F.P. «Do androids dream?» : personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. — 2011. — Vol. 83. — P. 405-474.

38. Kelsen, H. Recognition in International Law: Theoretical Observations // The American Journal of International Law. – 1941. – Vol. 35, No. 4. – P. 606-614.

Иностранные правовые акты

39. Выдержка из Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями для Европейской комиссии о нормах гражданского права о робототехнике // Сайт исследовательского центра проблем регулирования робототехники. – Режим доступа: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения 25.05.2021).

40. Статья 63 Закона Франции № 2016-1321 от 7 октября 2016 // Сайт публикации французского законодательства «Legifrance». URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000033203260?r=BPtAiAasMZ (дата обращения 01.11.2020).

41. Решение Федерального суда Германии III ZR 183/17 от 12.07.2018 // База решений Федерального суда Германии. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=pm&Datum=2018&Sort=3&nr=85390&pos=0&anz=115> (дата обращения 01.11.2020).

Иные источники

42. As Facebook Users Die, Ghosts Reach Out // Сайт «The New York Times». – URL: <https://www.nytimes.com/2010/07/18/technology/18death.html> (дата обращения 01.11.2020).

43. Breakthrough as scientists grow sheep embryos containing human cells // Сайт «The Guardian». – URL: <https://www.theguardian.com/science/2018/feb/17/breakthrough-as-scientists-grow-sheep-embryos-containing-human-cells> (дата обращения 01.11.2020).

44. Книга 41 Дигест Юстиниана – Текст : электронный // The Latin Library: сайт. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest41.shtml> (дата обращения 15.10.2020).